

СЕМАНТИКА ИКОНИЧЕСКОГО, ЯВЛЕННАЯ В ДРУЖБЕ: ОТЕЦ СЕРГИЙ БУЛГАКОВ И СЕСТРА ИОАННА РЕЙТЛИНГЕР

Л. Киейзик

Зелёногурский университет, Польша
L.Kiejzik@ifil.uz.zgora.pl

Н. Х. Орлова

Зелёногурский университет, Польша
nadinor@mail.ru

Работа выполнена в рамках международного исследовательского гранта
NCN (Narodowe Centrum Nauki Polska) № UMO 2017/25/B/HS1/00530

В статье анализируется становление русской, советской художницы Юлии Николаевны Рейтлингер (сестра Иоанна) как мастера иконописи. Ключевую роль в таком повороте её художественных исканий сыграла встреча с философом Сергеем Николаевичем Булгаковым (о. Сергей Булгаков), который был рукоположен в священники ещё в России, в 1918 году. Глубина и содержание этих отношений, вне всякого сомнения, сыграли огромную роль в их судьбах. И конечно, отразились в творчестве обоих. Юлия Рейтлингер с первой встречи считала отца Сергея своим духовным учителем. Эта встреча определила её путь к религиозному мировоззрению и к иконе. В 1935 г. она становится монахиней в миру с именем сестры Иоанны. Показано, что духовная дружба, которая связала их до конца жизни о. Сергия, выразилась в иконографическом творчестве сестры Иоанны. В семантике иконы воплощается идея двуиспостасности. Для Булгакова и его духовной дочери эта идея также выражает переживание дружбы как глубокого духовного союза, как отражение образа друга в себе. Всё творчество художницы Юлии Рейтлингер насыщается семантикой иконографии. И дружба с духовным отцом также насыщена богатством палитры, которую сестра Иоанна использует в своём творчестве. Можно сказать, что это уникальное событие их жизни, как метафорическая чудотворная икона, которую философ и художница сотворили вместе. Здесь и метафизическая глубина, и идея Бога, и обратная перспектива, в которой открыто место для другого. И даже трагедии их жизненных маршрутов иконически повторяют глубину скорби, которую мы видим в ликах святых. Вместе с тем, это светлые лики, полные любви, веры, надежды. Можно сказать, что в этих светлых красках осуществлена и визуально явлена как дружба с отцом С. Булгаковым, так и весь жизненный путь художницы.

Ключевые слова: Юлия Николаевна Рейтлингер, Сергей Николаевич Булгаков, семантика иконы, дружба, русская эмиграция, православие.

**SEMANTICS OF THE ICON, REVEALED IN FRIENDSHIP:
FATHER SERGIUS BULGAKOV
AND SISTER IOANNA REITLINGER**

Lilianna Kiejzik

Uniwersytet Zielonogórski, Poland
L.Kiejzik@ifil.uz.zgora.pl

Nadezhda Orlova

Uniwersytet Zielonogórski, Poland
nadinor@mail.ru

The article analyzes the formation of a Russian, Soviet artist Julia Nikolayevna Reitlinger (Sister Ioanna) as a master of icon painting. A key role in this turn of her art classes was played by a meeting with the philosopher Sergei Nikolayevich Bulgakov (Father Sergius Bulgakov), ordained in Russia in 1918. The depth and content of these relationships have undoubtedly played a huge role in their lives. And, of course, reflected in the creativity of both. Julia Reitlinger believed from the first meeting Sergius was his spiritual master. This meeting determined her path to a religious worldview and to icon. In 1935 she became a nun in the world named Sister Ioanna. It is shown that the spiritual friendship that linked them to the end of their life was expressed in the work of Sister Ioanna as the master of icon painting. The semantics of the icon embodies the idea of duality. For Bulgakov and his spiritual daughter, this idea of duality also expresses the experience of friendship as a deep spiritual union, as a reflection of the image of a friend. The entire creation of the artist Julia Reitlinger contains much of icon semantics. And the friendship with the spiritual father is also full of the riches of the palette that Sister Ioanna uses in her work. We can say that this is a unique event in their life, as a metaphorical miracle-working icon, created together by a philosopher and an artist. Here and metaphysical depth, and the idea of God, and the inverse perspective, in which the place is open to the other. And even the tragedies of their life paths symbolically repeat the depth of sadness that we see in the faces of the saints. At the same time, these are bright faces full of love, faith, hope. We can say that in these bright colors friendship with Fr. S. Bulgakov and the artist's whole life path are realized and visually manifested.

Keywords: Julia Nikolayevna Reitlinger, Sergei Nikolayevich Bulgakov, semantics of the icon, friendship, Russian emigration, Orthodoxy.

DOI 10.23951/2312-7899-2018-3-202-213

Тема дружбы раскрывается в творчестве того или иного мыслителя не только в результате кабинетных академических штудий. Огромную роль здесь играют и личные переживания этого особенного состояния доверия, приязни, верности и жертвенности в адрес другого, неожиданно встреченного в жизни человека. Дружба, как особое по глубине и содержанию переживание человека, нашла своё отражение в творчестве С. Н. Булгакова. В небольшом этюде «Моцарт и Сальери», который был опубликован в журнале «Русская мысль» в 1915 году, он характеризует дружбу как отношения, в которых должен быть выход из себя в другого человека. В дружбе, как обязательное условие, актуализируется двуипостасность. Булгаков для размышлений о дружбе использует метафору иконы: «Человеческая дружба есть как бы естественная икона, образ единой, божественной Дружбы <...> Отношения разной значимости и интенсивности создают прообразы и естественные иконы, расширяют сердце и окрыляют дух» [см.: Булгаков 1991]. В дружбе – подобие иконы, в которой отображается образ божественной любви к человеку, когда Бог призвал человека быть своим другом. И вместе с тем друг единичен, он единственный. К теме дружбы примыкают такие вопросы, как «что позволительно и допустимо в переживании дружбы?» Конечно не в смысле психологии, только метафизики. И ещё: «возможно ли ей быть ревностной, т. е. переживаться со страстностью, которая может сопровождаться одновременно завистью и гордыней?»

Конечно, размышления о дружбе формируются и в личном опыте. У С. Н. Булгакова это отношения, которые связывали его, в том числе, и с мыслителями Серебряного века: Н. А. Бердяевым, о. П. Флоренским, о. Г. Флоровским, Н. О. Лосским, А. Ельчаниновым, Л. Шестовым и другими¹. Каждый из них имел и свои взгляды на феномен дружбы, и свой опыт её переживания. Глава о дружбе в книге Флоренского «Столп и утверждение истины», как замечает Булгаков, было для него «самое глубокое и проникновенное» из того, что приходилось читать на эту тему [Булгаков 1991]. И конечно, он знал, чем действительно дружба является, и умел её ценить. Это знание не было априорным, оно не было дано просто так, сверху. Напротив, оно было апостериорным, он всю жизнь учился дружбе. Можно уверенно сказать, что Булгаков пережил много оттенков дружбы. В нашей статье мы уделим внимание его длившейся несколько десятков лет дружбе с Юлией Николаевной Рейтлин-

¹ Подр. об этом см.: Kiejzik 2015.

гер² – в контексте именно тех влияний, которые можно рассматривать как наследие этих отношений.

Они познакомились в Крыму, и это была судьбоносная встреча. Почти пятидесятилетний, уже сложившийся как мыслитель, С. Н. Булгаков вызвал в молодой Юлии глубокие переживания от встречи. В воспоминаниях она записала: «Первый раз я увидела о. Сергия в Олеизе³, имении близ деревни Кореиз, на второй год после его посвящения... Горящие, пронизывающие глаза. Он был почти страшный, особенно по-молодому восторженной и наивной барышне, которой я в то время была. Его фигура была несколько неуклюжая, несколько неловкая: будто не вмещавшаяся в житейские рамки. И не вполне “укладывавшаяся” в священническую одежду, однако в иной просто трудно было его себе представить, до такой степени она была бы будней и ординарной для исключительности, которую являла собой вся его фигура. Вместе с тем была какая-то трогательная беспомощность и детскость, которые оставались всю его жизнь. И вместе с тем смирение, которое тоже не есть однажды и одновременно приобретённое сокровище, а непрестанно, всю жизнь разворачивающееся – жизнь смирения, как жизнь всякой “дщери Премудрости”, а “путь Премудрости”, по слову Исаака Сирина, бесконечен. <...> Многие (да почти все ещё тогда) называли его “Сергей Николаевич”, и только некоторые начинали “принимать”, “признавать”. Других его вид почти шокировал, он как бы непрестанно стеснялся и извинялся перед ними. Чувствовалось, что во всём он идёт вперед “без карты”. Но были уже вокруг него и души, тянувшиеся к нему как к священнику, и, конечно, уже немало было “чудес” человекообщения в его жизни в это время» [Рейтлингер 1990, 73–74].

Тогда, в Крыму, в маленькой библиотеке имения «Саяни» она прочитала статью С. Н. Булгакова из сборника «Вехи» [Булгаков 1909, 23–69] и поняла, что их судьбы будут связаны. Скоро Юлия Николаевна стала духовной дочерью о. Сергия. По всей вероятности, это состоялось тогда, когда через несколько дней после их встречи она одна идёт к нему 28 километров. О своих переживаниях

² Монахиня Иоанна (в миру Юлия Николаевна Рейтлингер; 1898–1988) – русская художница, иконописец. В эмиграции с 1921 г. В 1955 г. вернулась в Советский Союз с правом жить в Ташкенте, где вынуждена была зарабатывать на жизнь росписью платков. Подр. о ней см.: Попова, Струве 2006; Попова 2011; Struve 2016.

³ Имение в Крыму (Мисхор) купца-мецената Ивана Фёдоровича Токмакова. На его деньги в этой местности были также построены больница, церковноприходская школа, библиотека, которая позже стала известна под названием Народный дом, в котором выступали Чехов, Толстой, Шаляпин, Горький, Набоков. С. Н. Булгаков был женат (с 1898 г.) на дочери владельца – Елене Ивановне Токмаковой.

этого события она запишет: «Два дня там. Беседа на огороде (время трудное, о. Сергей тщится помочь своим трудом) – “учителями не называйте никого, ибо один у вас учитель – Христос”, – исповедь, причастие, сны (кресты, кресты...) – замечательно!» [Рейтлингер 1990, 91].

Вновь они встретились в 1919 году в Симферополе, куда переехала часть обитателей крымского имения кн. Владимира Андреевича Оболенского и его жены Ольги Владимировны, с которыми дружила семья Рейтлингер. С их дочерью Асей (в монашестве сестрой Бландиной⁴) Юлия будет дружить всю жизнь. В то время (16 октября 1919 г.) о. Сергей был избран ординарным профессором Таврического университета⁵. Юлия посещает его лекции на Историко-филологическом факультете университета. Приходит также в церковь, где он начал служить. Их духовная дружба быстро крепнет, молодая девушка всё чаще думает о том, чтобы связать свою жизнь со служением Богу. Их роднят и личные трагедии: опыт смерти. В 1909 году С. Н. Булгаков потерял сына – Ивашечку, в 1920 году погибают от тифа старшие сёстры Юлии, вскоре умирает её мать. Политические события того времени делают невозможным близкое общение; она пишет отцу Сергию «отчаянное письмо – но южный берег был почти отрезан от Симферополя – ни ответить, ни поехать к нему невозможно» [Рейтлингер 1990, 92]. В состоянии совершенной потерянности Юлия с младшей сестрой Катей следуют завещанию матери уехать во что бы то ни стало, и в середине октября 1921 года перебираются в Польшу к отцу.

О варшавском периоде жизни Ю. Н. Рейтлингер почти ничего не известно. Небольшая приписка в «Записной книжке 1921–1922. Краски и звуки. Мысли и воспоминания» свидетельствует о том, что она хотела поступить в Краковскую академию художеств, но за обучение нужно было платить. У сестёр Рейтлингер нет средств, им едва хватает на жизнь; Екатерина моет посуду в столовой ведомства, где служит отец, а Юлия занимается вышивками на продажу. Известно, что в «культурном городе» Варшаве семья Рейтлингер живёт трудно, о чём в том же октябре 1921 года Юлия пишет растерянное

⁴ Бландина (Оболенская Александра Владимировна, княгиня; 1897–1974). Эмигрировала после революции и жила в Париже. Активная участница Русского студенческого христианского движения (РСХД). Член Братства Св. Софии. В 1937 приняла постриг. Входила в монашескую группу матери Евдокии (Екатерины Мещеряковой). Одна из основательниц женской монашеской общины в Муазне-ле-Гран, под Парижем, где и жила в последние годы жизни.

⁵ Булгаков был весьма востребован в это время на Юге России и как философ, и как активный религиозный деятель. Участвовал в организации высшей церковной власти. Среди членов Синода от духовенства и мирян считался одной из самых сильных фигур того времени. См.: Орлова 2017.

письмо С. Н. Булгакову. Мучительно ищет ответ на вопрос, зачем она уехала из России, ведь мысль об этом всегда причиняла ей «страшную боль». Ищет точки опоры; чтобы разобраться, как менять свою жизнь, ей «так невероятно нужна поддержка» с его стороны. Тревожит время, в котором теряются люди и в котором она уже успела наметить выбор: монастырь или мир... Время для переписки было непростое, и ответ на своё письмо она получила только через год, уже будучи в Праге. Но, видимо, духовная дружба давала силы и на расстоянии. Появляется серьёзное увлечение историей русского искусства, и, что само важное, Юлия Рейтлингер начинает изучать иконопись. Стремясь к духовному другу, она ищет отражение этого переживания в иконе.

К счастью, они узнают, что правительство Чехословакии внедрило программу поддержки русских профессоров и студентов. Это определило решение перебраться в июне 1922 года в Прагу, куда вскоре приезжает и о. Сергей Булгаков с семьёй. Здесь неожиданно продолжилось чудо встречи Юлии с духовным отцом. Юлия начинает помогать в быту, становится членом семьи. С этого времени они не теряются уже никогда. В её «Автобиографии» есть такая запись: «Радости моей нет предела, и с этого момента стараюсь послужить его семье (в быту – он очень был беспомощный, а Ел<ена> Ив<ановна> в Константинополе вывихнула ногу)» [Рейтлингер 1990, 94].

Прага дала возможность учиться. Сил и вдохновения хватает на то, чтобы одновременно учиться в университете, в академии художеств, посещать Институт Н. П. Кондакова, участвовать в православном студенческом кружке. Здесь появляется и первый учитель иконописи – Кирилл Катков⁶ – «изучивший ремесло древнего иконописания». Она уже прекрасно знает, что её мечта – «творческая икона» – сбудется только тогда, когда её ремесло станет совершенным. Об этом следующая запись: «Моя мечта – творческая икона, но – ремесло – необходимо» [Рейтлингер 1990, 94]. Первые опыты были, конечно (как сама пишет), неудачными, она ко всему должна приходиться сама. Со временем приходит понимание, и через некоторое время она написала свою первую икону, главу Иоанна Предтечи по наброскам с натуры отдыхающего отца Сергея.

⁶ Кирилл Катков (1905–1995), художник-иконописец. Из семьи московского профессора римского права Михаила Мефодиевича Каткова. В 1922 г. семья Катковых переехала в Прагу, где Кирилл учился в Карловом университете и Академии художеств, посещал занятия семинара Никодима Кондакова, крупнейшего специалиста по византийскому и древнерусскому искусству. Будучи совсем юным, отличался огромным талантом в искусстве иконы и много расписывал храмов, ещё будучи студентом. Оставил после себя огромное иконописное наследие в разных странах. О нём см.: <https://ffeztromop.livejournal.com/80327.html>.

В «Автобиографии» написала, что «эта вещь была довольно удачна; к сожалению, где-то пропала – найти её потом не удалось» [Рейтлингер 1990, 104].

Когда в 1925 году о. Сергей Булгаков переселился в Париж, он описывал Юлии Николаевне свои впечатления от Лувра, понимая, как важно было бы ей иметь возможность учиться в залах музея. Делился размышлениями об итальянских мастерах, произведения искусства которых (в том числе иконы) одновременно и престопают границу человеческого, и, как результат деятельности человека в своей материальной форме, свидетельствуют о величии человека. Впрочем, для мыслителей Русского зарубежья «западное религиозное искусство, даже в созданиях своих, наиболее близких к иконе, <...> иконным искусством всё же не становится; у него другой художественный облик и другой религиозный смысл» [Вейдле 1959, 10].

Вскоре Булгаков устраивает переезд Юлии Рейтлингер в Париж и поселяет её в комнатке на чердаке домика на Сергиевском Подворье. Началось время духовного подъёма и «творчества вдвоём». Не имея доступа к мастерским по иконописному искусству, будущая иконописица начинает учиться в ателье Мориса Дени⁷. Рисует и пишет с натуры, натюрморты, композиции на религиозные темы. По этому поводу в «Автобиографии» мы находим следующую запись: «Общего художественного развития получила я от них очень много. Но в чём-то – поскольку католическая картина разнится от иконы – мне надо было впоследствии идти как бы “от противного”» [Рейтлингер 1990, 95]. Она не останавливалась в поисках. Дополнительные советы по иконописному ремеслу дал ей Софроний⁸, который в это время учился в Свято-Сергиевском богословском институте. Таким образом, в Париже всё совпало: она погрузилась в иконописание и имела возможность всегда быть рядом с духовным отцом и другом, помогая Булгаковым по хозяйству.

В конце 1920-х стало возможным прикоснуться к мечте и увидеть шедевры иконописи мастеров прошлого – благодаря масштабной передвижной выставке икон из Советского Союза⁹. Среди них «Тро-

⁷ Морис Дени (фр. Maurice Denis 1870–1943) – французский художник-символист, иллюстратор, историк и теоретик искусства. Известно, что в 1919 году Дени основал Мастерскую церковного искусства. В 20-е и 30-е годы Дени в основном оформляет церкви, пишет труды по теории искусств, читает лекции.

⁸ Архимандрит Софроний (в миру Сергей Семёнович Сахаров; 1896–1993) – священнослужитель Константинопольской православной церкви, схиархимандрит, ученик и биограф Силуана Афонского. До революции учился в Академии художеств, в эмиграции некоторое время (в Париже) работал как художник. С 1925 года посвятил себя монашескому служению.

⁹ Речь идёт о передвижной выставке «Русские иконы», проходившей в 1929–1932 гг. в Германии, Англии и США. Экспозиция включала более 130 икон из советских музеев и Централь-

лица» и «Владимирская Божья Матерь». Юлия Рейтлингер отправляется в Мюнхен, где жили старые знакомые по Крыму – семья Винбергов¹⁰, и пять дней с утра до ночи не выходит из выставочных залов. Конечно, Юлия Рейтлингер была знакома с работой Е. Трубецкого «Умозрение в красках», который писал о всё ещё незавершённом открытии иконы, о том, что «в её линиях и красках мы имеем красоту по преимуществу смысловую» [Трубецкой 1994, 246]. Живя на подворье Богословского Института в Париже, Юлия, вероятно была знакома со своими ровесниками, начинающими богословами Н. В. Лосским и Л. А. Успенским, которые позже (в 1940-е) опубликуют свои размышления об умозрениях в образах иконы [Lossky, Ouspensky 1944], и Павлом Евдокимовым (1900–1970), опубликовавшим свой опыт современного анализа искусства иконы [Evdokimov 1970]. Важно было постичь тот учительный смысл, который вкладывал в икону мастер. Люди смотрели на них, и они на них воздействовали, приводили к духовному просвещению. Кажется, что нельзя быть безразличным к иконе. Она естественным способом вызывает необходимость созерцания, размышления, рефлексии. Она сообщает нам тайну, она вводит в магический круг, соединяет эстетику с метафизикой.

Но там, в залах выставки Юлии важно было пропитаться, насытиться, сколько возможно, палитрой и силой иконографического письма. В нём – текст, обращённый к каждому, хотя бы мимо проходящему. Как это работает и что должен уметь мастер, но главное – каким быть самому... Позже (24 февраля 1932 г.) в своём дневнике она запишет: «Но для того чтобы увидеть в иконе, я должна иметь внутри, *чем* видеть, и *что* видеть, и для чего видеть» [Рейтлингер 2007–2008]. И это при том, что Рейтлингер с детства (благодаря своей набожной матери) воспитывалась в атмосфере почитания церковной жизни. Встреча с о. Сергием Булгаковым, скорее, была результатом формирования её как глубоко религиозного человека; духовные встречи в этом случае закономерны. В Мюнхене её иконописные штудии приобрели новое насыщение. По этому поводу она писала следующее: «Знакомство со старой русской иконой показало мне, как важна для иконописца уверенная линия (говорю

ных государственных реставрационных мастерских. Лаврская копия рублевской «Троицы» была создана И. А. Барановым и Г. О. Чириковым в 1926–1928 гг. Западные эксперты восхищались абсолютной точностью копирования. Об этом см.: Лазарев 1966.

¹⁰ Имеется в виду семья Винберга Владимира Карловича (1836–1922), крымского земского деятеля. В годы Гражданской войны в алуштинском имении «Саяни» собралось около 30 человек – дети, внуки Винбергов, их знакомые, спасавшиеся от революции на юге России: сестры Рейтлингер, сын известного экономиста Петра Бергнардовича Струве – Алексей и другие, кто нашли здесь гостеприимный кров и уже отсюда уезжали в эмиграцию.

не о “кальках”, а о чисто художественной линии), и я стала в ней упражняться: делала наброски и кистью, тонким пером тушью» [Рейтлингер 1990, 96].

С этого момента в её поисках современной иконы наступает перелом. Она решает работать в том стиле, который ей ближе всего. Для неё с этого момента икона является не только художественным воображением и изображением святых, но обретает смысл, далеко превышающий эстетическую чувствительность. Икона является искусством, наполненным идеей. Не только выражением религиозного видения, но и способом заниматься богословием. И ведутся долгие часы бесед об этом с о. Сергием, с важнейшим наставником и духовным другом. Юлия учится важнейшему качеству иконописца – «способности умного видения» [Булгаков 1931].

И всю свою творческую жизнь Ю. Рейтлингер (позже как с. Иоанна) оставалась верна своему призванию, которое так ясно поняла на выставке икон в Мюнхене: соединить творческую свободу с традицией¹¹. Это проявится и в её личной жизни. В 1935 году, в день св. Иоанна Предтечи, она приняла постриг первой степени и стала монахиней в миру. Сама так описала это событие: «Почти монашеский образ жизни, общение с о. Сергием, ежедневное посещение храма – а “мир” всё-таки захлестывал – соблазны, искушения сбивают с ног. Надо как-то закрепить свой путь. Монастырь – нет: моё послушание – свободное творчество. Пример матери Марии¹² открывает возможности: оставаться на месте, постричься и заниматься своим искусством. Владыка Евлогий¹³ благословил. “Но, – сказал он, – вы молодая, матушка старая, в дочки ей годитесь, – как же она будет вас называть «матушка» – так нехорошо. Я вас постригу в *рясофор*, но перемену вам имя...” <...> Это был самый счастливый день моей жизни; хотя весь рясофорный постриг состоит только из одной молитвы, и даже не “обет”, а “святое сие намерение” – благодатно мне далась в тот момент такая всецелая преданность Христу, которой я ни раньше, ни после никогда не могла достичь» [Рейтлингер 1990, 97].

¹¹ Об этом замечательно написал Никита Струве [Попова, Струве 2006, 14].

¹² Монахиня Мария (в миру Елизавета Юрьевна Скобцова, в девичестве Пиленко, по первому мужу Кузьмина-Караваева; 1891–1945) – русская поэтесса, мемуаристка, публицист, общественный деятель, участница французского Сопротивления. В эмиграции с 1920 г. Погибла в концлагере Равенсбрюк. Каноинизирована (2004). О ней см.: Беневиц 2003 и др.

¹³ Митрополит Евлогий (в миру Василий Семёнович Георгиевский; 1868–1946) – епископ Православной Российской Церкви; митрополит (1922). В эмиграции с 1920 г. Управляющий русскими православными приходами Московской Патриархии в Западной Европе (с 1921); с 1931 по 1945 годы – в юрисдикции Константинопольского Патриархата (Западноевропейский экзархат русских приходов). Доктор богословия *honoris causa* (1943). О нём см.: Евлогий 1947.

Иконы Иоанна Предтечи, в коих проступает лик её друга, она писала несколько раз во времена так называемого парижского периода творчества в 1930–1940-е годы. Они написаны тёмными, коричневыми тонами и напоминают портрет о. Сергия, сделанный ею в трудные годы. Его лицо намного темнее, чем лица святых на фресках и росписях в храмах, автором которых является Юлия Рейтлингер. Лицо приглушённое, усталое, но спокойное, счастливое; оно символизирует смирение и покорность, одновременно мудрость и внутреннюю молитву. Ю. Н. Рейтлингер использовала только краски коричневых оттенков, здесь нет светлых, синих и белых цветов, так характерных в целом для её творчества. Используя слова Е. Трубецкого, можем сказать, что она применяла «мистику краски», в которой пересекается радость и боль, временность и вечность. Похоже выглядит лицо Иоанна Предтечи (икона 1946 г.), которое будто подражает портрету С. Н. Булгакова. Оно серьёзное, усталое, глаза большие, широко открытые, взгляд пронизательный, выражает возвышенную истину. Лоб высокий, губы тонкие – всё это напоминает нематериальную персону, сияющую изнутри. Стоит отметить, что Юлия Рейтлингер ухаживала за тяжело больным отцом Сергием и описала в дневниках момент его ухода из жизни. Эти трогательные записи говорят о том, как лик умирающего о. Сергия становился всё светлее и всё радостнее, боль уходила, и её сменяла детская нежность [Рейтлингер 1990, 51–53].

В заключение уточним ещё раз, что в статье намеренно выделен период жизни Юлии Николаевны Рейтлингер, который был освящён дружбой с Сергеем Николаевичем Булгаковым. Именно в эти годы она формируется как художница, мастер иконописи, монахиня в миру. О ней Никита Струве напишет как о самобытном мастере, занявшим, по его мнению, первостепенное место в возрождении языка иконы [Струве 2003, 71]. Такую задачу ставило перед собой Общество «Икона», организованное в 1927 г. в Париже, в котором Ю. Рейтлингер была неизменной участницей многих выставок. Метафора дружбы как иконы, некогда помысленная С. Булгаковым, воплотилась в светлых ликах её иконографического творчества.

БИБЛИОГРАФИЯ

Беневич 2003 – *Беневич Г. И.* Мать Мария (1891–1945). Духовная биография и творчество. Санкт-Петербург, 2003.

- Булгаков 1909 – *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Москва, 1909. С. 23–69.
- Булгаков 1931 – *Булгаков Сергей, прот.* Икона и иконопочитание: Догматический очерк. Paris, 1931.
- Булгаков 1991 – *Булгаков С.* Моцарт и Сальери / Публ. И. Хабарова // Искусство кино. 1991. № 9. С. 8–11.
- Вейдле 1959 – *Вейдле В.* Письма об иконе: письмо первое. Образ и символ // Вестник РХД. 1959. № 55. С. 10–18.
- Евлогий 1947 – *Путь моей жизни.* Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947.
- Лазарев 1966 – *Лазарев В. Н.* Андрей Рублёв и его школа. Москва, 1966.
- Орлова 2017 – *Орлова Н. Х.* «Революция разверзла перед нами новые пути...» // Наследие веков. 2017. № 2. С. 28–35.
- Попова 2011 – *Ю. Н. Рейтлингер (сестра Иоанна) и о. Сергей Булгаков.* Диалог художника и богослова. Дневники. Записные книжки. Письма / Под ред. Б. Поповой. Москва, 2011.
- Попова, Струве 2006 – *Художественное наследие сестры Иоанны (Ю. Н. Рейтлингер): Альбом / Сост. Б. Б. Поповой, Н. А. Струве.* Москва, 2006.
- Рейтлингер 1990 – *Рейтлингер Ю. Н.* Автобиография // Вестник РХД. 1990. № 150. С. 84–104.
- Рейтлингер 2007–2008 – *Рейтлингер Ю. Н.* Дневник духовный (1928–1935) // Вестник РХД. 2007. № 192; 2008. № 193. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rp-net.ru/book/articles/vestnik/duhdnevnik.php#_edn59 (дата обращения 10.08.2018).
- Рейтлингер 1990 – *Рейтлингер Ю. Н.* Отрывки воспоминаний об отце Сергии Булгакове // Вестник РХД. 1990. № 159. С. 51–83.
- Струве 2003 – *Струве Н.* Юлия Рейтлингер и возрождение иконописи в эмиграции // Русский Париж. Санкт-Петербург, 2003.
- Трубецкой 1994 – *Трубецкой Е.* Умозрение в красках // Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. Москва, 1994. С. 223–290.
- Evdokimov 1970 – *Evdokimov P.* L'art de l'icône, théologie de la beauté. Desclée De Brouwer, 1970.
- Kiejzik 2015 – *Kiejzik L.* Sergiusz Bułgakow i filozofowie Srebrnego Wieku. Rozważania o przyjaźni. Warszawa, 2015.
- Lossky, Ouspensky 1944 – *Lossky V. N., Ouspensky L. A.* The Meaning of Ikons. London, 1944.

Struve 2016 – *Struve N. Sister Ioanna Reitlinger (1898, St. Petersburg – 1988, Tashkent) // The Wheel. 5. Spring 2016. P. 16–23. URL: <https://static1.squarespace.com/static/54d0df1ee4b036ef1e44b144/t/5707f09c3c44d8066f64a721/1460138140704/Struve.pdf>*

Материал поступил в редакцию 15.08.2018